

Йорик с самого начала подозревал, что это обман. Ну не могла красавица Зара, за которой бегали все спортсмены и активисты школы, обратить на него внимание, хотя он... да, не просто обращал на нее внимание, но даже и часто виделся с ней... в своих снах. Случалось, что и в совсем неприличных.

Знала бы его мама, какие сны он видит, ему бы пришлось нелегко — ой как нелегко! Куда хуже, чем три года назад, когда она нашла у него планшет, набитый отвратительными роликами.

Скачать такое со спейснета было невозможно — везде держались начеку автоматические цензоры, но соседский мальчик Бойер, на три года старше Йорика, продавал файлы, скачанные из дарк-сети, всем желающим, и Йорику «позорное падение» обошлось в пять рандов.

А потом еще и мокрым полотенцем досталось, от мамы. Вас когда-нибудь били мокрым полотенцем? Вот и не говорите, что пустяк. Йорик запомнил это на всю жизнь. Ну, если и не на полную ее длину, то на юную часть уж точно.

Мама потом жалела, что сорвалась и отлупила сына, и плакала. Йорик плакал тоже, но повернуть ситуацию обратно было невозможно, и какое-то время он думал, как бы вернуть сохраненную копию Бойеру и попросить назад свои ранды. Но, пару раз понаблюдав из-за забора за соседским мальчиком, решил, что это глупая затея, — Бойер любил бросать топор в дощатую мишень и частенько попадал прямо в ее середину.

В результате Йорик решил смириться и не просить деньги обратно. Ну или подождать подходящего момента, когда Бойер не будет так силен и у него под рукой не окажется топора.

Но это все о прошлом, а теперь у дома мамы Йорика вдруг остановилось шикарное купе Зары, папа которой владел двадцатью автозаправками в городе и еще магазином на Южном шоссе.

Магазин был большой, на шоссе хватало покупателей, и теперь Зара уже полгода ездила на красном купе, а у Йорика был просто электровелосипед. Но и он стоял за домом — чтобы не позориться.

Так получилось, что Йорик с мамой жили в квартале людей представительных, состоятельных, людей с деньгами. У мамы Йорика таких денег не было, однако она хотела обеспечить сына самым лучшим, а потому работала целыми сутками, чтобы только выплачивать земельный налог в дорогом районе.

Зато Йорик учился в лучшей гимназии города.

А еще мама Йорика понемногу сдавала в ломбардное заведение Бронштейна драгоценности бабушки Йорика — Мирны. На эти деньги они с сыном и жили. В палисаде мама выращивала арванган — спаржу-гигант, — который выглядел как цветы. Но Йорик с мамой постоянно включали его в свой рацион и знали тридцать четыре рецепта, как готовить его, чтобы не надоедало питаться им каждый день.

Купе Зары, уже не во сне, а наяву, остановилось напротив палисада, где Йорик стоял со шлангом и таранился на длинные голени девушки, которые первыми показали из низкого купе, а уже потом бедра, талия, грудь, одним словом все, что Йорик так любил рассматривать в своих красочных и таких реалистичных снах.

— Привет, Йо! — сказала она, подходя к забору.

— Привет, Зара... — промямлил Йорик, от растерянности направляя шланг куда-то в сторону. Прежде она

никогда не подходила к нему так близко. Да что там не подходила — она ни разу не посмотрела в его сторону за все шесть лет, что он учился в гимназии.

— Что подельываешь? — спросила Зара и свесилась через невысокий забор так, чтобы ее грудь была хорошо видна в этой открытой маечке.

— Я вот тут... Это...

Йорик неловко повел шлангом и облил штанину. Впрочем, он этого даже не заметил.

— Ну, понятно, прошлый век. Все давно поливают с помощью конденсатного генератора. Слышал о таком?

— Ну да, слышал, — кивнул Йорик.

— Ставишь такой возле дома, заносишь в его память координаты всех твоих кустиков-цветочков и нажимаешь «ввод». И он сам в любое выставленное тобой время конденсирует из воздуха воду именно под тот куст, который ты указал, и именно то количество воды, которое ты затребовал. Понятно?

— Более чем, мисс...

— Да какая я тебе «мисс», Йо? Мы же из одной школы.

— Прошу прощения, — промямлил Йорик, который чувствовал себя словно контуженный.

— Я понимаю, твоя мама не может позволить себе бросаться деньгами, а генератор стоит денег. Но я дам тебе скидку в магазине моего папаши. Двадцать процентов, Йо! Все прочие за такую скидку три года у моего папаши товар выгребают. Врубаетесь?

Сказав это, Зара переставила свои красивые ноги так, что у Йорика случился спазм. Он не мог ни отвечать, ни даже глупо улыбаться.

— Короче, у тебя на плейс-контакте скоро будет флаер со скидкой. Предъявишь и получишь двадцать процентов. Понял меня?

— Да, мисс...

— Вот заладил — мисс да мисс. Я ведь чего приехала? Ты не хотел бы проводить меня на «Квиксетт-шоу»?

— Я?! — поразился Йорик.

— Ну... я вечером осталась одна, мне нужен кавалер. А ты парень очень даже ничего...

— Кто? Я?! — снова поразился Йорик, ткнув себя в грудь струей из шланга.

Зара засмеялась.

— «Квиксетт-шоу» — удовольствие не из дешевых, но у меня есть две контрамарки. Так что, если не хочешь профукать свое счастье, парниша, сегодня в половине седьмого на парковке перед магазином «Фред».

Сказав это, Зара развернулся и направилась к своему кричаще-красному купе, а Йорик смотрел на нее, стараясь запомнить каждое ее движение, чтобы потом...

— Йорик, иди кушать!

— Мама, я поливаю! — ответил Йорик, следя за тем, как Зара садится в низкое купе, — это было самое интересное.

— Я не буду разогревать по три раза заново! — возразила мама, выходя на крыльцо, и в этот момент стартовало купе Зары. — Теперь понятно, почему мой Йорик прилип к забору так, что не оттащишь. Ты не в ту сторону смотришь, сынок, этой красотки тебе не видать никогда — вне всяких сомнений.

— Почему это? — вскинулся Йорик.

— Потому что у нее карманных денег больше, чем твоя мама поднимает за месяц. Вот почему. Каждая скотинка должна знать свой уголок и в нем пастись. И тогда все будет мирно и спокойно. Тогда настанет порядок.

— Ах, мама!.. Я уже взрослый человек и делаю что хочу! — воскликнул Йорик и бросил шланг так, что грязь брызнула на забор. После чего взбежал по ступеням на крыльцо и исчез в доме, чтобы скорее проглотить ужин, потому что почти опаздывал.

В положенное время или даже чуть раньше Йорик был на стоянке магазина «Фред», одного из самых больших в округе.

Чтобы успеть, ему пришлось приехать на электровелосипеде, который он припрятал за углом административного здания — так, чтобы никто не увидел.

У магазина в это время был вечерний «час пик», и машины теснили друг друга, а покупатели, выходявшие в сопровождении автоматических тележек, показывали друг другу неприличные жесты, потому что места было мало, а эмоций хоть отбавляй.

Йорик стоял посреди всего этого птичьего базара и не понимал, как они с Зарой смогут тут встретиться и не потеряться. Он был в полном отчаянии, когда вдруг рядом появился парень из его школы — Максимус.

Он не принадлежал к главной тусовке, где были все школьные звезды вроде спортсменов и редакторов школьных газет. Но не был и таким, как Йорик, — неприкаянным; держащихся особняком отвергали все тусовки.

— Привет, Йо. Меня просили подвезти тебя, — сказал Максимус.

— Кто?

— Зара. Она не смогла прийти и попросила подвезти тебя прямо к концертному комплексу.

— Она ждет меня там с билетами?

— С чем? — не понял Максимус.

— С билетами на «Квиксетт-шоу», она хотела, чтобы я сопровождал ее на концерте.

Видно было, что Максимус изумлен. Однако он не стал проявлять недоверие, потому что знал цену слов и обещаний. Особенно представителей высшей школьной тусовки.

— Я об этом ничего не знаю. Садись в машину, и я подвезу тебя, а там действуй как сочтешь нужным.

Йорик сел в машину Максимуса, и они ехали минут пять, пока не остановились возле входа в концертный комплекс.

Здесь уже шла потоком публика, и Йорик никак не мог разобраться, где же тут Зара, но Максимум сказал ему:

— Вон там они, в беседке открытого кафе.

— Но... она там не одна.

— Ну разумеется. Руган, Швилевски, Насси и другие. Все там. А ты на что надеялся? Увидеть ее в одиночестве с парой зажатых в кулачке билетов?

— Я не знаю... Ну, давай пойдём к ним.

— Нет, Йо, я к ним не пойду. Меня Скрудж попросил привезти тебя, я сделал. Так что давай дальше сам. Но я бы тебе посоветовал...

— Что?

— Валишь отсюда, пока тебя дурачком не выставили.

— Да ты ничего не понимаешь! — воскликнул Йорик. — Она сама ко мне приезжала! В своем красном купе!.. Сама!..

Йорик вышел из машины и потрянул головой. Ему казалось странным, что кто-то не понимает таких очевидных вещей.

— Ладно, удачи тебе, Йо, — сказал Максимум и поехал прочь.

Йорик почувствовал, что остался совсем один, хотя вокруг было много народу. Окружающие находились «на одной волне» — все говорили только о предстоящем концерте «Квиксетт-шоу».

Постояв немного, Йорик набрался решимости и направился к открытому кафе, располагавшемуся на бетонной платформе с колоннами, оформленными под историческую древность.

Среди колонн торчали пластиковые пальмы и еще какие-то нездешние деревца, по которым прыгали птички-роботы.

К досаде Йорика, на платформу кафе вела лишь одна лестница, видимая со всех сторон, так что подобраться к Заре незаметно у него ни за что бы не получилось.

Между тем, кроме компании Зары, в кафе почти никого не было, остальные посетители уже подтягивались к концертному комплексу, и появление Йорика сразу было замечено тусовкой.

Они тотчас прекратили разговоры и расселись так, будто появление Йорика само по себе было чем-то вроде театрального представления.

Только сейчас он понял, что Максимус был прав и не стоило ему тут появляться. Он уже жалел, что не воспользовался его советом, но не поворачивать же назад. Поэтому продолжал подниматься по лестнице, зачем-то отсчитывая ступени.

Наконец Йорик преодолел последнюю ступеньку и, повернувшись к Заре и к другим представителям высшей тусовки школы, остановился.

Негромко кашлянув, в дверь под аляпистым портиком удалился официант. Снизу доносились возбужденные голоса — публика спешила на представление.

— Скрудж, ты гарант нашего спора! Зафиксируй! — скомандовала Зара, и Реми Солонтин, по кличке Скрудж, отец которого был управляющим одного из городских банков, поднялся и торжественно объявил:

— Лох прибыл! Лох действительно поверил, что Зара тайно в него влюблена! А потому спор — Зара Нойман против Альберта Насси — выигран Зарой. Альби, передай Заре проигранную побрякушку.

— Это не побрякушка, этому кулону триста лет, — недовольно проворчал Альберт, поднимаясь и доставая из кармана потертую коробочку, некогда обтянутую темно-вишневым бархатом.

Остальные тусовщики повскакали с мест и окружили рослого Альберта, желая увидеть предмет спора.

Все знали, что Заре этот кулон очень понравился, и она просила Альберта продать ей вещицу, но деньги его не интересовали. Его интересовала сама Зара.

По условиям спора о том, что поставила она против старинного кулона, объявлено не было, но многие догадывались. Зара была единственной красоткой в школе и во всем районе, которая отказала Альберту.

— Прикольная штучка! Тысячи на две рандов потянет, — сделала оценку Лили Болъц, отец которой держал сеть ювелирных магазинов.

Лили была симпатичной, но не такой блистательной, как Зара, и всегда находилась в ее тени, несмотря на то что могла себе позволить куда большие траты.

— Нет, Лили, — покачала головой Зара, заворуженно глядя на кулон, который раскачивался на цепочке тонкой вязки. — Такой вещи у твоего папаши не найдется ни за две, ни за двадцать тысяч.

С этими словами она выхватила у Альберта свой трофей и, проскочив мимо Йорика, как мимо обычного столба, сбежала по ступеням к своему купе и запрыгнула в него прямо через борт, не открывая дверцы.

— Эй, ты куда? — крикнула Лили.

— Праздновать!

— А мы?

— Сегодня вы мне не нужны! Я нуждаюсь в личном времени! — прокричала Зара.

Ее купе сорвалось с места и помчалось прочь. Еще несколько мгновений, и оно скрылось за поворотом.

— Вот тварь, она же говорила, что мы с ней в «Ниви-плюс» поедem... — выругалась Лили.

— Ладно, пойдem и мы, — махнул рукой Скрудж и только теперь обратил внимание на пребывавшего в оцепенении Йорика.

Впрочем, как и все остальные.

— А этот лошара все еще здесь, — усмехнулся Пол Руган, немногословный спортсмен, которому прочили перспективное будущее в одном из клубов города или даже округа.

— Иди домой, лох... — сказал Скрудж и, проходя мимо Йорика, оттолкнул его в сторону.

— Я не лох! — возмутился тот.

— Ты хуже, чем лох, ты тупой поедатель брюквы. Я из-за тебя бесценный раритет проспорил! — заметил ему Альберт.

— Нет-нет, не брюквы! Они с мамашей питаются спаржей-гигантом! — поправила наблюдательная Лили и засмеялась. А с ней и все остальные, кроме Альберта, который зло смотрел на Йорика и потом вдруг ударил его по лицу.

— Урод травоядный, — добавил он, уходя прочь.

— Я не лох! — закричал Йорик в отчаянии, а перед его затуманенным после удара взором проносились картины красного купе, красивых ног Зары, спаржи-гаганта и уравнения из задачки с выпускного экзамена. Очень уж коварная и сложная была задачка, но он справился.

Вдруг пелена спала, и Йорик, вскочив, бросился за обидчиком, однако нарвался на жесткий удар Скруджа.

— Нечестно... — прошептал Йорик, оседая. Удар был болезненным, Скрудж тренировался по системе «малай», и с ним никто не конфликтовал. Опасались.

— Это я тебя еще пожалел, — сказал Скрудж, удерживая Йорика, чтобы тот не завалился на спину. — Просто посиди и успокойся. Лох.

Он оставил Йорика и побежав догонять тусовку, а «лох», держась за живот, стал осторожно пытаться дышать. И еще он старался не думать о том, что с ним сегодня произошло, и это как будто бы получалось — в голове не стало никаких мыслей, только спасительная пустота, однако из глаз лились предательские слезы, отчего хоте-

лось побежать к маме и заплакать, уткнувшись в ее пропахший кухней фартук.

Он так всегда делал раньше, когда его обижали. Но теперь он не мог позволить себе этого, потому что уже окончил школу и было ему восемнадцать лет.

3

Как назло, сломался электровелосипед. Снова упали драйвера зарядного устройства.

Поломка несерьезная, и дома Йорик мог решить проблему за пятнадцать минут, но то, что этот пустяк случился в тот же день, что и Большая Обида, делало поломку не такой уж пустячной, поэтому Йорик с досады дважды лягнул отказавший велосипед, пока буксировал его пешком до дома.

Дома мама сразу разобралась, что у сына проблемы, однако, несмотря на допрос чуть ли не с пристрастием, до причины плохого настроения и припухших глаз ей докопаться не удалось.

— Сынок, а ты поиграй на лабандоне, — предложила она. — Ты давно не упражнялся, хотя раньше играл довольно часто.

— Зачем мне играть на лабандоне, мама? — спросил Йорик, глядя в окно. Он машинально жевал биточки из спаржи, потому что мама всегда говорила, будто еда помогает справиться с депрессией.

И Йорик ел, хотя почти не чувствовал вкуса.

— Когда у твоего дяди Эрика случалось плохое настроение — он играл на лабандоне. И когда у твоего дедушки Резвеля было плохое настроение, он тоже брал в руки лабандон.

— А когда дядю Эрика ограбили на улице и забрали триста рандов, которые он нес своей семье, он тоже не нашел ничего лучшего, как играть на лабандоне? — с вы-

зовом спросил Йорик и отодвинул тарелку опостылевшей спаржи.

— Ну да. А что же еще можно было сделать? — пожалала плечами мама, которая знала про эту историю больше.

— А нужно было ходить на тренировки по «малаю», а не тренькать на лабандоне, и тогда бы дядя дал бандитам по башке и его ранды остались бы целыми!

— Что за слова, Йорик? «Бандиты», «по башке»? Ты меня пугаешь, сынок.

— А что за слово «лабандон», мама? Почему бы не называть его скрипкой, как все нормальные люди?

Мать вздохнула и, присев рядом, какое-то время молчала. Потом взглянула на настенные часы — вечером у нее начиналась смена на упаковочной фабрике Лунстрема.

Платили там немного, зато добраться можно было пешком.

— Я знаю, сынок, это все из-за этой бибры.

— Она не бибра.

— Какая же она не бибра, если она людям так жизнь портит?

— Она не портит, мама. Просто она очень красивая.

— Красивая и богатая. Ей все дороги открыты, и ты с ней никогда не пересечешься. Она поедет в университет в Линдсмарке или в Финансовую Академию. А ты пойдешь по стопам дедушки Резвеля. Дядя Эрик сказал, что твой аттестат в колледже очень всех порадовал и тебя туда примут на бесплатное место.

— Чтобы бухгалтером стать? Или мытным скобарем? — невесело усмехнулся Йорик.

— А почему и не скобарем? Скобарей все уважают. И даже очень уважают. Когда главный городской скобарь Рональд Либхер заходит в ресторан, многие поднимаются с мест.

— Мама, скобарей никто не уважает, скобарей попросту боятся и ненавидят. И вообще, нужно говорит «на-